Уметь играть: первичная компетенция обычного преданного терапевта

Жислен Спикёр
(Ghislaine Szpeker)

- клинический психолог, психоаналитик
- преподаватель в Университете Сорбонна (Париж)
- почетный член ЕАРПП
- ведущий консультант Медико-педагогического центра психического здоровья в Париже

Психотерапия происходит там, где пересекаются две области игры - пациента и терапевта. Если терапевт не может играть, значит, он не подходит для этой работы.

«Будь то взрослый или ребенок, в игре и только лишь в игре они способны к творчеству, способны задействовать всю личность в целом. Только будучи способным творить, индивид может раскрыть свою самость... Отсюда можно сделать вывод, что только в игре возможно общение, за исключением прямого общения (слияния), которое является предметом психопатологии или крайней незрелости».[1]

Именно этими словами Винникотт предваряет свою теорию развития человека в книге «Игра и реальность»[2]:

Доступ ребенка к реальности — говорит он нам — основан на человеческой природе[3], которая подпитывается средой, благодаря переходному пространству, в котором разворачивается творчество. Именно в этом переходном пространстве, если и только если оно стимулируется обычной преданной

1 Игра: творческая активность и поиск самого себя. Игра и реальность, 1971

2 Игра и реальность, 1971

3 Природа человека — посмертная работа Винникотта, опубликованная в 1988 году, которую он писал на протяжении 24 лет.

Чтобы играть, нужно быть свободным. Если я стиснут рамками ложного Эго (я должен быть лучше всех, я должен что-то доказать, чтобы меня любили, я должен стать знаменитым и т.д.), я уже не могу быть свободным, не могу пробовать, не могу играть.

матерью, ребенок может быть здоровым, то есть выразить свой творческий потенциал и тем самым получить доступ к самости.

Это описание условий, необходимых ребенку для достижения хорошего здоровья, которое для Винникотта не является противоположностью патологии, а представляет собой состояние, в котором человек способен играть, концептуально и технически определяет новую модель аналитического пространства.

Но что такое обычный преданный терапевт?

До того, как мы начали практику, были ли мы потенциально обычными преданными терапевтами? Задавали ли мы себе этот вопрос? Спрашивали ли мы себя, умеем ли мы играть? Пришло ли к нам осознание того, что для хорошей работы необходимо уметь играть? А что включает в себя эта игровая площадка терапевта и пациента? Каковы правила игры? Как разрешить пациенту играть? И если умение играть должно стать главным навыком обычного преданного терапевта, то как этому научиться?

Винникотт писал: «Психотерапия происходит там, где пересекаются две области игры — пациента и терапевта. Если терапевт не может играть, значит, он не подходит для этой работы. Если пациент не может играть, необходимо что-то сделать, чтобы у него появилась возможность играть, после чего можно начинать психотерапию»[4].

Таким образом, речь идет не только об анализе символики детской игры, но и о том, чтобы помочь ребенку или взрослому, который был лишен своего игрового потенциала, которому пришлось отказаться от своего творческого начала, чтобы подчиниться желаниям недостаточно преданной матери, — помочь ему вновь открыть и затем высвободить свои творческие созидательные способности. Для Винникотта способность играть имеет решающее значение!

Эту новую модель терапии можно проиллюстрировать следующим образом: два человека играют вместе в созидательном творческом пространстве, чтобы получить доступ к реальности, которую они могут разделить. Такая модель весьма приятна...

Расширив психоаналитическое поле от изучения внутреннего мира влечений и внешнего мира реальности до промежуточного пространства, Винникотт ввел важнейшую психоаналитическую концепцию: переходное пространство. Психоанализ обогащается богатым и живым пространством — мембраной, разделяющей и объединяющей внутреннее и внешнее — которая наполняется содержанием и становится решающим элементом в психической конструкции личности (отсылка к концепту «Я-кожа» Анзье). Эта мембрана имеет глубину, собственное функционирование и собственную динамику.

4 Игра: творческая активность и поиск самого себя. Игра и реальность 1971

В зеркальном отражении, пространство, разделяемое аналитиком и анализантом становится творческим переходным пространством отношений, в котором пациенту, как говорит нам Винникотт, нужно не познавать реальность, а получать к ней доступ, видеть внешний мир за пределами проекций внутреннего мира, в союзе с аналитиком, который таким образом становится его партнером по игре.

Игра, как символический язык, несомненно, является средством доступа к Я, что означает, что через символизм игры субъект появляется там, где раньше был объект.

Игра, как символический язык, несомненно, является средством доступа к Я, что означает, что через символизм игры субъект появляется там, где раньше был объект.

Иллюстрацией может служить игра с катушкой: объект — катушка, символизирующая мать внука Фрейда, — исчезает и вновь появляется по воле формирующегося субъекта, который вот-вот появится.

Ребенок разыгрывает сцены из реальности, чтобы восстановить себя и успокоить фрустрацию, вызванную необходимостью подчиниться болезненной реальности.

Игра с катушкой символизирует разлуку и воссоединение; это одиночная игра, воспроизводящая появление и исчезновение любимого объекта.

Но на самом деле ребенок не играет с катушкой, он использует ее как символ, чтобы успокоить тревогу, связанную с исчезновением матери, заставляя ее вернуться, а затем снова исчезнуть, чтобы восстановить иллюзорный контроль над реальностью, которой он подчиняется.

По мере развития ребенок в игре символизирует сепарационную тревогу, которая сопровождает процесс индивидуации. От игры с катушкой он переходит к игре с зеркалом, в которой на этот раз его представителем является он сам или, скорее, его образ (точно так же, как катушка была представителем матери). Этот образ будет появляться и исчезать. Эта игра предваряет другую игру — в прятки или подглядывание (ку-ку! я здесь!), которая говорит об интериоризации субъективности: в ней появляется и исчезает сам ребенок, а не его отражение или символический представитель.

Для Винникотта существует другое игровое пространство, получившее название «каракули», и это пространство позволяет установить связь и общение с реальными объектами посредством подражания, активации зеркальных нейронов и созидательной творческой игры, которая осуществляется вдвоем и позволяет человеку полностью раскрыть свой потенциал.

Игра старше культуры. Культура изначально играется. Она не рождается из игры, как живой плод, выходящий из утробы; она разворачивается в игре и как игра.

В традиции Ференци игра признается константой человеческой природы: «Игра старше культуры. Культура изначально

Если пациент застрял в промежуточной позиции развития, он будет играть с кадром, играть в исчезновение и появление, проверять способность аналитика выдержать натиск его всемогущей ярости, чувствовать его ревность по отношению к другим пациентам и переживать экзистенциальный страх потерять объект.

играется. Она не рождается из игры, как живой плод, выходящий из утробы; она разворачивается в игре и как игра».[5] По мнению Й. Хейзинги, голландского философа XX века, культура всегда будет формироваться по взаимному согласию и в соответствии с установленными правилами. Игра не противопоставляется серьезности; игра — это одновременно развлекательная и серьезная деятельность, в ней развертываются все формы социальной деятельности.

Игра становится интересна не только своим значением, не только своим символическим измерением, не только как объект для интерпретации, но и как дифференцированное пространство, средство доступа к общей реальности.

Игра с катушкой является условием того, чтобы субъект мог задаваться вопросом, что он такое, и чувствовать себя движимым желанием быть. Теперь не другой хочет, чтобы он был, а он сам хочет быть.

Если первый акт игры с катушкой хорошо известен, второй известен в меньшей степени:

Однажды, когда мать долго отсутствовала, по возвращении ее встретили сообщением «Ляля! О-о-о-о-о», которое сначала показалось непонятным. Но вскоре выяснилось, что ребенок нашел способ исчезать во время долгого одиночества. Он обнаружил свое изображение в зеркале, которое не доставало до пола, а затем присел, чтобы его изображение в зеркале «исчезло». Таким образом, из сноски Фрейда в конце страницы в работе «По ту сторону принципа удовольствия» мы узнаем, что после игры с катушкой ребенок отправился играть в свое собственное исчезновение в зеркале. По Лакану, игра с катушкой — это момент, когда ребенок отделяется от своего статуса частичного объекта матери, и это также операция, с помощью которой ребенок не осознает себя объектом фантазма матери и приходит к вопросу, который его, собственно, волнует: кто я для нее?

Этот переход от другого к себе интересен в связи с тем моментом в терапии, когда уже не терапевт хочет, чтобы субъект появился, а сам субъект осмеливается существовать, готовый сыграть в катушку со своим аналитиком, чтобы оставить позади зеркало и обращенный к нему взгляд.

Именно это зарождающееся желание символизирует доступ к самости по Винникотту. Понятие интегративной самости, очевидно, является концептуальным и может обсуждаться в связи с другими теориями. Они напоминают нам, что хрупкое равновесие между самоутверждением и взаимным признанием, которое только и позволяет «Я»

5 Homo Ludens, Человек Играющий, эссе о социальной функции игры, Йохан Хёйзинга, 1938

и «Другому» встречаться как двум суверенным равным, может быть легко нарушено. Когда напряжение между самоутверждением и признанием другого нарушается, вновь возникает архаичная динамика доминирования/подчинения. Эта тонкая линия находится в движении в течение всей жизни.

Партнеры по игре меняются в зависимости от стадии структурирования Я. От аутоэротической игры, через переходные объекты, далее такие похожие и такие разные живые объекты в реальном мире, далее – к социальным отношениям... такова их эволюция. В терапии это означает, что, если пациент застрял в промежуточной позиции развития, он будет играть с кадром, играть в исчезновение и появление, проверять способность аналитика выдержать натиск его всемогущей ярости, чувствовать его ревность по отношению к другим пациентам и переживать экзистенциальный страх потерять объект. Исчезая, все еще расщепленный объект – отчасти любимый, отчасти ненавидимый – уничтожит субъекта, все еще находящегося под игом всемогущества. Если зеркало исчезает, исчезает мой образ, исчезает Я. Эта пограничная динамика очень тяжела, она особенным образом сталкивается со связью, возникающей в аналитических отношениях, потому что аналитик становится гарантом выживания анализанта.

Болезненное использование кадра, бессознательно повторяющее использование первичного объекта привязанности, запустит в аналитике защитные механизмы отвержения, иногда доходящие до чувства преследования. Игра с катушкой, которой анализанту должно быть позволено овладеть в процессе терапии, требует адаптировать сеттинг. Игра для аналитика в этой концептуальной линии эквивалентна тому, чтобы позволить использовать себя, с самого начала представить себе, что терапия будет разворачиваться на основе этих специфических требований символической репарации, о которых мы только что говорили, по причине непостоянства первичного объекта для этих пациентов.

Игра с катушкой, которой анализанту должно быть позволено овладеть в процессе терапии, требует адаптировать сеттинг.

Если позволить пациенту исчезнуть без драматизации (например, когда он не приходит на сеанс), он сможет появиться снова, получив удовольствие и желание восстановить объект. Это добродетельный путь, который ведет к амбивалентности объекта и достаточно единой самости. Для таких пациентов осмелиться исчезнуть и рискнуть потерять объект – очень серьезный шаг вперед. Это становится возможным, если, и только если аналитик вступает в такую игру, то есть если, и только если аналитик позволяет нарушать кадр, в частности, исчезать, без каких бы то ни было санкций: он является надежным, поддерживающим, контейнирующим объектом, который позволяет использовать себя в достаточной степени.

Такая позиция аналитика в лучшем случае позволяет людям испытать иное отношение к другому, усвоить эмоциональную пищу, которая не навязывает чувство долга, и быть в состоянии интроецировать качества объекта, потому что он не осуществляет репрессий. Зачатки субъективности формируются вокруг терапевтической позиции,

которая не инфантилизирует, не осуждает, не вызывает чувства вины и, прежде всего, позволяет субъекту испытать свою власть над миром, восстанавливая объект, поврежденный проекциями развивающегося Я. Это лишь одна из иллюстраций того, что значит играть для аналитика!

Кадр подобен коже, оболочке, которая приспосабливается к росту ядра, субъекта, самости, но кадр непременно будет нарушаться, поскольку полная адаптация пациентов к кадру равносильна форме подчинения, а не процессу индивидуации.

Винникотт учит нас, что способность играть — это важный элемент в формировании личности. Способность играть очень важна для того, чтобы стать хозяином своей дальнейшей жизни. То, что в контрпереносе называется удовольствием и противопоставляется скуке и усталости аналитика, имеющего дело с анализантом, который не смог научиться играть, — это проявление игривой стороны человека, которому очень рано посчастливилось иметь партнеров по игре. То, что мы называем жизненной силой, витальностью в человеке, очень похоже на то, что Винникотт описывает как склонность к игре,

Если аналитик позволяет нарушать кадр, в частности, исчезать без каких бы то ни было санкций, он является надежным, поддерживающим, контейнирующим объектом, который позволяет использовать себя в достаточной степени.

аппетит и любопытство. Усталость, гнев, досада, раздражение, разочарование — означают ли эти чувства в контрпереносе, что мы не смогли создать игровое пространство?

Способность играть — это своего рода свидетельство того, что призыв малыша к другому был услышан, что он чувствовал себя желанным гостем в этом мире. Речь, скорее, не о том, что ребенка очень желали, но о том, что его хорошо встретили! Мне кажется, пора переосмыслить вопрос о желании иметь ребенка, который предполагает, что желанный ребенок будет в надежных руках, а нежеланный понесет по жизни свою ущербность: поди узнай, кто именно возжелал ребенка, по определению воображаемого! И никто не знает, какова будет встреча реального ребенка и того, который является плодом моих фантазий! Иногда желание иметь ребенка настолько мощное, что становится подозрительным. И наоборот, насколько оправдан легитимный страх перед проблемами материнства и сопутствующее ему двойственное отношение к любви и заботе, которые родители проявят к ребенку? Может быть, благодаря инструментам психоанализа, таким как эдипов комплекс и т.д., желание иметь ребенка очеловечивает и делает очевидными ограничения филогенеза, которые программируют нас на обеспечение выживания вида?

Достаточно хорошая мать, обычная преданная мать и первичная материнская забота — это синонимы того, что Винникотт называл Человеческой природой. Человеческая природа не сводит мать исключительно к биологии, ко всемогуществу, которое женщинам так тяжело переносить. Она больше не просто кляйнианская мать

с чрезмерной властью над своим потомством – что, впрочем, скорее мужской фантазм маленьких мальчиков, которые, хотя уже и выросли, продолжают идеализировать свою мать в форме сакрализации всех матерей, – но это женщина, которая предоставляет себя в распоряжение своего новорожденного в ожидании воссоединения со своими собственными либидинальными инвестициями. Женщина позволяет с самого начала создать промежуточное пространство, в котором, помимо заботы, необходимой для продолжения рода, будут развиваться ее собственные мысли, мечты и фантазмы.

> Кадр подобен коже, оболочке, которая приспосабливается к росту ядра, субъекта, самости, но кадр непременно будет нарушаться, поскольку полная адаптация пациентов к кадру равносильна форме подчинения, а не процессу индивидуации.

Раннее окружение, другими словами, обычная преданная мать, является первым посредником на пути к реальности. Она представляет своему младенцу мир. Она делает это через свою историю, аффекты, тревоги, проекции, свою амбивалентность... и именно эти репрезентации, наряду с другими, будут вызваны к жизни в анализе через перенос. Она – зеркало мира, в котором ребенок не осознает, что смотрит на себя, и она, как и ее младенец, должна уметь питаться от окружающей среды в своем собственном пространстве отношений.

Чтобы предоставить себя в распоряжение новорожденного, не делая его пленником и не подвергаясь преследованиям, женщина / мать также должна иметь в своем распоряжении поддержку, партнеров по игре, которых она будет постепенно реинвестировать по мере развития своего либидо, которое приспосабливается к росту ребенка и к уменьшению их взаимозависимости.

Винникотт не только позволяет нам лучше понять, что именно строится в отношениях между субъектом и его объектами привязанности, но и, подтверждая основной вклад окружающей среды в доступ ребенка к его реальности, он впервые отводит важное место женщине, которая становится матерью, в психоанализе и в формировании человеческой природы! Перестав разделять материнство и женственность, женщина больше не ограничивается своей репродуктивной функцией и невыносимым грузом своего предполагаемого всемогущества! Ее либидо не полностью сконцентрировано на ребенке, а ее влечение к жизни подпитывается фантазмами о воссоединении с собственными партнерами по играм.

Со стороны новорожденного, подверженного влечениям, исходящим изнутри и извне, переходное пространство отношений рисует нам контуры младенца, который с самого начала взаимодействует, ищет смысл, проверяет законы физики и занимается математикой. Этот ребенок не находится и никогда не был в слиянии, и вообще весьма парадоксально представить, что в тот момент, когда пуповина перерезана, мать и ребенок окажутся прижатыми друг к другу...

Этот младенец играет не только так, как младенец по Фрейду, то есть чтобы получить то, в чем ему отказывает реальность. Он играет, чтобы компенсировать фрустрацию,

Усталость, гнев, досада, раздражение, разочарование – означают ли эти чувства в контрпереносе, что мы не смогли создать игровое пространство?

чтобы быть в контакте с реальностью, социализироваться и получить доступ к культуре. Это ребенок, который становится человеком.

Человеческая природа — это посмертная работа Д. Винникотта, опубликованная в 1988 году, над которой он работал последние 24 года своей жизни, но так и не смог ее завершить. «Выбирая, — говорит он, — подход к человеческой природе с точки зрения развития, я пытаюсь прояснить, как в результате первичного слияния между индивидом и окружающей средой что-то сливается, а человек задействует то, что он хочет, и обретает способность существовать в мире, который не хочет ничего». А также понять, как «Я перестает быть Другим», как человек, несмотря на превратности жизни, конфликты, фазы возбуждения и отстранения, может обрести некое единство и воссоединиться с «истинной самостью.» Самость – это в некотором роде вера, чувство бытия без страха небытия.

Речь, скорее, не о том, что ребенка очень желали, но о том, что его хорошо встретили!

В октябре 1918 года Фрейд написал своему другу Оскару Пфистеру[6], который только что опубликовал брошюру под названием «Что психоанализ может предложить педагогу?»: «Что вы делаете, оспаривая разделение сексуального влечения на части... Вы ищете синтез без предварительного анализа. В психоаналитической технике нет необходимости в специальной работе по синтезу; с этим индивид справляется лучше, чем мы. Анализ — это демонтаж, Я пациента автоматически и неизбежно позаботится о синтезе». Но позже Фрейд уточнил свое суждение: «Когда дезорганизация Я становится такой, что оно перестает быть незаменимым союзником в процессе терапии[7], — пишет он в «Очерке психоанализа» в 1938 году, — возникают помехи для работы по связыванию».

То есть мы не можем игнорировать структурные ограничения наших пациентов и ставить под угрозу хрупкие защиты. Человек, конечно, принимается связывать сам! Но тогда и только тогда, когда у него есть для этого психические средства: когда Я представляет собой осколки и трещины, не время заниматься психоаналитическим распутыванием!

6 Оскар Пфистер, швейцарский пастор, психолог и педагог. 1873

7 Фрейд, Очерк психоанализа, 1938

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Природа рождается в пространстве между матерью и ребенком, но это не райский сад, она очень хрупкая. Природа — это переходное пространство, которое мы приобретаем или не приобретаем. Природа — это то, чего не хватает пограничным пациентам.

Здоровье, по мнению Винникотта, обеспечивает доступ к единой самости, которая с этого момента может перестать постоянно заботиться о сохранении своего единства, и способна мобилизовать свою энергию на служение вновь доступному либидо, чтобы инвестировать объекты реального сначала в переносе, а затем в реальном мире.

Ребенок, которого плохо несли, становится тем, кого плохо несет анализ. Аналитик пытается поддержать и удержать пациента от падения в пропасть, спастись от гравитации, которая грозит падением. Иногда это удается, иногда нет. Если удается, если регрессия в зависимость становится возможной из-за стабильности кадра и благожелательного сеттинга, эта природа может быть создана.

Сеттинг — это пейзаж, в котором пациент и аналитик устраиваются, чтобы поиграть в виртуальные каракули, создать связи, прочные нити, которые позволят пережить травматические воспоминания.

Благодаря нашей Вторичной Аналитической Заботе, анализант может рискнуть создать достаточно хороший объект, может осмелиться создать своего аналитика, как младенец может представить себе, что создает грудь. Иллюзия всемогущества оправдывает использование кадра, и помимо удовлетворения влечений, речь идет о рассмотрении природы объекта и места, в котором он находится, а также качества его интериоризации, то есть того, как человек поглощает или выплевывает, подобно тому, как он принимает или отвергает содержания и интерпретации.

Младенец создает грудь так же, как пациент создает своего аналитика: «Мать помещает реальную грудь именно туда, где ребенок готов ее создать»[8], — говорит нам Винникотт. И если аналитик побуждает своего пациента создать свою собственную интерпретацию, он разрешает доступ к фазе разочарования, чтобы избежать цепляния за объект и создания защитной ложной самости, чтобы нести объект в себе, чтобы в конечном итоге иметь возможность сепарироваться от него.

По поводу интерпретации Винникотт сказал: «Я потрясен, когда думаю о глубоких изменениях, которые я нарушил или задержал у пациентов, принадлежащих к определенной нозографической категории, из-за моей личной потребности в интерпретации. Когда мы показываем, что умеем ждать, пациент начинает понимать творчески, созидательно и с огромным удовольствием. И теперь я получаю больше удовольствия от этого удовольствия, чем от того, чтобы показать себя умным. Думаю, я интерпретирую в основном для того, чтобы пациент знал границы моего понимания. Принцип таков: ответы на вопросы дает пациент, и только он. Мы либо можем, либо не можем сделать его способным постичь известное или осознать его через принятие».[9]

---

8 Д. Винникотт, Игра и реальность

9 Использование объекта и то, как мы относимся к нему через идентификацию. 1968